

Анастасия АСТАФЬЕВА

ВСЁ НА СВАЛКУ!

Р а с с к а з

Внук Серафимы Павловны наконец-то женился. Медлительный добрый увалень, бесхарактерный и простоватый, к своим тридцати двум годам он не единожды пытался ухаживать за девушками, но те быстро сбежали от него к более бойким парням. Молодуха — не в пример новоиспеченному мужу — была хваткая, шустрая, настырная и вся какая-то «востренькая»: глазки, носик, локоточки, коленочки, тоненькие губки, уши на макушке, а уж язычо-о-ок!..

Серафиме Павловне девка эта сразу не глянулась. Видно было, что вертеть она Денисом станет почем зря. Но внук сиял, словно начищенный самовар, улыбался каким-то своим потаенным счастливым мыслям и ощущениям, ворковал с востренькой своей голубицей, и та, как заметила потом бабка, с мужем рядом становилась иной: мягчала, светлела, доверялась ему. И все эти ее локоточки и коленочки, вечно торчащие в ожидании нападения, как пики у воина, вдруг куда-то складывались, прибирались, утрачивали свою остроту и опасность.

На большом семейном совете было решено, что жить молодые станут у бабки. Дом у нее в райцентре просторный, две комнаты, кухня, да еще и светелка. Серафима Павловна такому решению не обрадовалась, но возражать не посмела. К тому же внука она любила, жалела, и дом ее вместе с приусадебным участком уже лет пять как был отписан Денису по завещанию.

Сразу после регистрации в загсе и праздничного пира молодые улетели в свадебное путешествие на какой-то экзотический остров. Куда именно, Серафима Павловна не поняла, как ни объяснял ей Денис. Запомнила только, что это где-то рядом с Индией.

Вернулись через две недели загорелые, веселые, привезли бабушке керамическую кружку, разрисованную ракушками и морскими звездами, угостили неведомым фруктом и поселились в горнице. Хозяйка же пристроилась за перегородкой, в маленькой комнате с круглой печкой и одним окном.

Неудобства начались сразу же, и дело даже не в том, что Анжела — так звали супругу внука — с первого дня оккупировала кухню и принялась готовить для муженька различные деликатесы (это как раз Серафиме Павловне нравилось, значит, голодным Денис не останется). И не в том дело, что спать молодые ложились поздно, долго смотрели телевизор,

ходили, смеялись, а потом, погасив свет, предавались плотским утехам, стараясь быть тихими. Хотя уже по одним вздохам в темноте и по ритмичному поскрипыванию дряхлого дивана легко было догадаться о природе их занятий. Неудобство состояло в том, что, когда Денис уезжал утром на работу, Анжела могла целый день просидеть в горнице, глядя в экран телефона, быстренько тыкая в него пальчиком, и не сказать бабушке ни слова. Сама Серафима Павловна пыталась наладить отношения с Анжелой, звала ее пить чай. Молодую не отказывалась, приходила, но сидела все с тем же телефончиком, не глядя цепляла со стола чашку с чаем, кидала в рот сушку, конфетку и с хозяйкой упорно не разговаривала. В этом ее молчании не было ненависти или презрения, она просто не знала, о чем беседовать с семидесятипятилетней старухой. Серафима Павловна хотела бы понять, чем живет эта молодая женщина, думает ли рожать в ближайшее время, почему не устраивается на работу или хотя бы не поступает учиться. Анжела на ее вопросы отвечала, что она скоро будет делать ногти, что купила курс обучения в интернете, его-то и смотрит все время.

Какие ногти? Кому? Какой курс?..

Серафима Павловна уходила в огород полоть и поливать грядки или просто гуляла по улицам родного провинциального городка, разговаривала с соседями и знакомыми. Те непременно спрашивали, как ей живется с молодыми. Но мудрая Серафима Павловна коротко отвечала, что всё в порядке, живут, не ссорятся, и переводила тему.

Но не прошел еще у молодых и медовый месяц, как однажды вечером, пошутукавшись, Анжела и Денис постучались в бабушкину комнату.

— Бабуль, давай мы тебе евроремонт сделаем, — бодро возвестил внук.

— Евро... это как? — спросила Серафима Павловна, защитно скрестив руки на груди.

— Ну... выкинем весь твой хлам. И чтоб по-современному все. Потолки натяжные, ламинат, окна пластиковые вставим, мебель поменяем. А то Анжелка говорит, стыдно в такой дом клиентов приглашать.

— Ну если Анжелка, то тогда конечно! — не сдержалась хозяйка.

— Серфим Пална, — тут же и встряла Анжела, — если вы думаете, что мы от вас денег просим, так есть у нас! Надарили на свадьбу. А от вас нам ни копейки не нужно!

— Да, бабуль, ты не переживай! Быстренько всё сделаем, — поддерживал внук жену. — Мы уже и окна заказали.

— А меня вы еще не заказали? — огрызнулась Серафима Павловна и, махнув рукой, ушла от двери, в которой возвышался Денис, а рядом с ним его мелконькая и востренькая. Села на кровать и отвернулась. — Делайте, что хотите. Все равно мое слово теперь ничего не значит...

— Ну бабу-у-ль... — заныл внук совсем по-мальчишечьи, подсел рядом, обнял и стал уговаривать ее.

Через два дня во двор заехал большой грузовик, из которого парни во главе с Денисом долго выгружали разные строительные материалы,

какие-то коробки, упаковки. Дом наполнился людьми, шумом, звуками дребезги, стуком молотков, веселым матерком и молодым бестолковым смехом.

Хозяйка сидела в своей комнатке, как в последнем оплоте собственного достоинства, и ни во что не вмешивалась. Горько было на душе, слезы душили, давление поднялось. Она даже не вышла обедать, когда ее позвал Денис, а потихоньку попросила принести ей в комнату.

Внук вернулся с тарелкой жиденького супа и двумя кусками хлеба, поверх которых лежали тоненькие кусочки вареной колбасы.

Серафима Павловна, примостившись у низенького столика, пошевелила в тарелке ложкой, попробовала. Суп был едва теплый.

— Бабуль, мешаем мы тебе, — проговорил, задержавшись на пороге комнаты, Денис. — Давай я тебя на недельку к бате отвезу. Обратного приедешь — дом не узнаешь!

— Это уж точно... — проворчала в ответ бабушка, но поехать к сыну согласилась.

Сын, занятой и хмурый, на робкие попытки матери жаловаться отвечал односложно и коротко:

— Они молодые! Пожить хотят по-человечески. А у тебя тараканы за печкой и диван с клопами — вот все богатство!

— У меня?! Тараканы?! Клопы?! Да как тебе не стыдно! — У Серафимы Павловны аж сердце заходило от обиды и несправедливости.

Она всегда была чистоплотна, аккуратна. Да, прожила всю жизнь небогато. Мебель в дом они еще с мужем покупали, наверное, годах в семидесятых. И посуда, и холодильник — все было из тех времен. Служили вещи исправно, покупать новые не имело смысла. Родные дарили ей на праздники и дни рождения постельное белье, халаты, полотенца, даже новую сковородку. Со сковородкой этой вышел казус. Денис хоть и объяснил, что посудина с каким-то антипригарным покрытием и ножом или вилкой на ней ничего шевелить нельзя, зато можно жарить без масла, что очень полезно для здоровья, Серафима Павловна, когда стала сковородку мыть, железной корчёткой* соскребла, как ей показалось, черный нагар до самого блестящего алюминиевого дна. И осталась очень довольна, что отмыла-таки его. Смеялись над ней долго. И больше ничего подобного, модного и современного, не дарили.

У сына в квартире она промаялась три дня и запросилась обратно. Душа была не на месте, тревога, беспокойство не отпускали Серафиму Павловну, спала она плохо, ела через силу и так доняла Дениса звонками и просьбой поскорее забрать ее, что он приехал и отвез бабушку домой.

Ох, как вовремя он отвез ее домой! Уже подходя к калитке, она почувствовала неладное — весь аккуратный, засаженный цветами ее дворик был заставлен, завален мебелью, вещами, мешками. Денис радостно показывал старухе новые беленькие окна, железную входную дверь, звал побыстрее зайти внутрь и порадоваться переменам, но силы оставили Серафиму Павловну,

* Корчётка — жесткая, чаще металлическая мочалка для чистки посуды (диал., Костромская обл.).

когда она поняла, что вся ее жизнь, все, что было дорого, памятно, связано со счастливыми моментами из прошлого, — выброшено вон, вот-вот отправится на свалку. А ведь она просила не трогать хотя бы ее комнатку...

Серафима Павловна опустилась на диван, стоящий прямо на клумбе. Все цветы были помяты, поломаны, цветной пластмассовый заборчик выдернут из земли и брошен в стороне. Она хотела выругаться, накричать на внука, высказать обиду, но Денис ушел в дом. А ей туда теперь заходить не хотелось совсем.

Она притянула к себе близко стоящий картофельный мешок, развязала тесемку и со страхом заглянула внутрь. И заплакала. И стала вынимать и бережно раскладывать на диване рядом с собой выброшенные вещи.

Поверх прочего в мешке лежали рубахи покойного мужа, дедушки Дениса. Мягкие фланелевые и тоненькие ситцевые, ношенные и совсем новенькие, с неоторванными бирками. Помнила Серафима Павловна времена дефицита, запасала, берегла. Но со временем даже на новых рубахах проступили необъяснимые желтые пятна. Откуда? Мураши, что ли, поселились... Вот эту фланелечку муж особенно любил. В последние месяцы мерз сильно от болезни, вот ее и не снимал. Локоточки-то протерлись. Пуговка оторвана. Недоглядела...

Под рубахами нашлись детские войлочные ботиночки. Денискины! Зелененькие, с кожаным цветочком на боку. Серафиму Павловну аж окатило изнутри горячим. Она до сих пор помнила, как и где их купила. Рос внук в тяжелые девяностые годы. Ни вещей нормальных в магазинах, ни денег у людей не было. Она поехала навестить мать, живущую в деревне, и вот в сельском-то магазине по случаю купила эти ботиночки. Так радовалась! И Дениске они понравились, он в них по дому щеголял и ждал весны — зима стояла лютая, морозная. А в такой обувочке хорошо по мартовскому насту ходить! Но к весне нога у парня выросла, ботиночки обмалели. Так и не поносил...

В мешок равнодушно была засунута и безжалостно смятая шкатулка, сшитая из советских еще открыток. Серафима Павловна помнила, как коллега по работе учила ее шить эти бесхитростные поделки. Толстой шерстяной нитью, особым стежком. Такие шкатулки от бедности дарили родным и друзьям на праздники. В них хранили нитки, пуговицы, разную мелочевку. Серафима Павловна расправила оторванную от бока шкатулки открытку с красными гвоздиками и крупной цифрой «1» и прочитала на ее обратной стороне: «Дорогие Петя и Сима! Горячо поздравляем вас с праздником первого мая! Желаем здоровья, счастья, благополучия! У нас все хорошо! Получили квартиру!!! Ира и Гена Семеновы». Друзья поздравляли. Ни его, ни ее уже нет на свете...

На дне мешка нашлись Денискины школьные тетрадки, дневники, рваный кожаный портфель, поломанные игрушечные машинки. Вырос парень. У него теперь другие игрушки...

Она просидела до темноты во дворе. Ее звали, тормошили, ходили мимо, приносили поесть, посмеивались, крутили у виска, злились, даже обещали вызвать скорую. Серафиме Павловне было все равно.

Когда подъехал грузовик, который специально дожидался ночи, чтобы вывезти бабкино добро на запрещенную свалку, она поднялась с дивана, покачиваясь, подошла к кузову машины, подозвала шофера и попросила помочь взобраться.

— Ба-аб! — бросился к ней внук. — Ну не дури! Ну посмотри, ведь это все прогнило давно! Вон стол жучок доедает. Диван гвоздями сколочен. Тумбочки плесенью пропахли. Холодильник... а ты знаешь, что старые холодильники очень вредны? Они фенол в воздух выделяют... А платя эти твои в горошек? Господи, да я тебя тридцать лет назад в них помню! Они же просто лежат. И рубахи дедушкины. Его куртки, фуфайки. Валенки эти подшитые! Ну никто же не будет это носить никогда!

Серафима Павловна невидяще взглянула на внука и сама полезла в кузов. Шофер пожал плечами, хохотнул и посадил сумасшедшую старуху под зад.

— Везите и меня на свалку. Я тоже хлам. Старый, прогнивший, никому не нужный.

— Господи! Бабушка! Ну пре-кра-ти! — метался вокруг грузовика отчаявшийся Денис. — Ну это же не так! Зайди в дом, посмотри хотя бы! Мы тебе тахту красивую, удобную купили, комодик современный, зеркало повесили. Окно новое, занавески! Ну перестань, ну вылезай. Мы же старались. Мы же как лучше хотели.

И вдруг он психанул и заорал:

— Блин! Ты же всю жизнь на комкастых матрасах спала! И я вместе с тобой! У меня от тех комков до сих пор бока болят! Чашки эти твои, тарелки с отбитыми краями! Ложки алюминиевые, как в тюрьме! Бли-ин! Как мне все это надоело!

— Вот и вы мне все надоели, — спокойно проговорила старуха и обратилась вновь к шоферу: — Поддай-ка мне, милок, вон ту табуреточку. Да... вот эту. Она хоть и расшаталась немного, а в последний раз мне послужит.

Шофер снова хохотнул — нечасто ему такие развлечения на работе устраивают — и табуретку подал.

Серафима Павловна села на нее, аккуратно расправила на коленях полы халата, положила сверху руки, словно прилежная первоклассница.

— Ну, чего стоим? Грузите!

Шофер подхватил с земли мешок и закинул в кузов. Что-то звякнуло и посыпалось внутри.

— Вот так и знала, что этим закончится, — процедила сквозь зубы Анжела и закурила тоненькую сигаретку.

— Так не начинала бы! — впервые огрызнулся на жену Денис и ушел в дом, громко хлопнув новой железной дверью.

— А вы грузите, грузите, — спокойно проговорила Анжела шоферу. — Сейчас я ребятам позвоню, подойдут, помогут.

И она действительно достала из кармана курточки мобильник и стала набирать чей-то номер. Упрямая бабка у мужа, но ее, Анжелу, еще никто в этой жизни не переупрямил. Учить надо этих стариков, чтобы уважали

молодежь. Нам жить! А вам... вам, может, и вправду на свалку пора. Раз мешаете новой жизни расти и шириться.

Уже когда пришли приятели и принялись поднимать в кузов полированный шкаф, Денис вышел из дома. Он отправил всех перекурить, забрался в грузовик, сел рядом с бабушкой и долго-долго очень тихо с ней разговаривал, гладил и целовал её руки, обнимал. Серафима Павловна плакала, откнувшись в его плечо, что-то вспоминала, выговаривала. Потом из кузова послышался смех.

Анжела, которой давно надоел устроенный бабкой спектакль, сидела в доме у раскрытого окна и глядела в телефон. Заслышав этот искренний смех двух близких людей, она скривилась, поджала губы, покачала головой и быстро застучала пальчиками по экрану. Писала подружке в ватсап, какая тупая бабка у Дениса.

Внук бережно помог бабушке спуститься, проводил в дом, завел в комнатку.

Серафима Павловна придирчиво оглядела обновленное жилище, присела на новую тахту, упруго покачалась на ней, погладила рукой гладкую коричневую стенку комода. Поднялась, подошла к окну. Денис показал ей, как его открывать и закрывать, как сделать проветривание.

— Хоть гераньку мою не выкинули, и то спасибо, — уже милостиво проворчала Серафима Павловна.

— Ну бабуль...

— Ладно. Нравится мне... Иди, поцелую.

Внук шагнул к ней, высокий, полный, мягкий, любимый.

Бабушка дотянулась до него, наклонила голову, поцеловала в макушку, как в детстве.

— Обои только темноваты. Я повеселее люблю. Зелененькие.

— Даκ переклеим через год, бабуль! Это же не навечно!

Денис засиял и понес радостное известие о примирении своей супруге. Они пошушукались, подавили смешок, а затем раздался голос Анжелы:

— Серфим Пална, идите чай пить. Я ваши любимые конфеты купила.

— Сейчас! — отозвалась бабушка, выдержала паузу, причесалась перед новым зеркалом и вышла из комнаты к молодым.

На блестящей первозданной чистотой газовой плите засвистел красный чайник. Анжела, стоя у стола в коротеньком халатике, из-под которого торчали острые коленки, нарезала на досочке сыр. В кухне было светло и просторно. И все незнакомо.

Денис выдвинул для бабушки стул с высокой металлической спинкой. Она села, чувствуя себя не дома, а в гостях.

За окном, во дворе, едва освещенном тусклым фонарем, стоял грузовик и темнела гора старой мебели. Шофер ушел к приятелю на соседнюю улицу пить пиво.

Завтра утром, пораньше, потея с похмелья, они всё погрузят и увезут.